

Текст: Вячеслав Недошивин, кандидат философских наук

«Я НЕ БАРИН, А ДОКТОР...»

СО-СТРАДАНИЕ БЫЛО ГЛАВНЫМ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ И ВРАЧА

И

Изменники первой профессии

«Нет ничего более полезного для здоровья, чем прямотушие, откровенность, искренность и чистая совесть. Если бы я был врачом, то написал бы труд о страшной опасности... криводушия, ставшего привычкой».

Это сказал Борис Пастернак, сказал еще в 1941-м, задолго до первых строк, выведенных им в романе о враче, в книге «Доктор Живаго». Поэт, разумеется, не был медиком, но литературу и служение ей уже тогда ощущал как практику исцеления людей от всего наносного, вредного, заразного и болезненного. На мой взгляд, в глубинной сути своей она, словесность, таковой и является. С той лишь разницей, что лечит души.

¹
А. Шепелюк.
Чехов у постели
больного.

Аксиома, трюизм, банальность? Согласен. Но вот что интересно: среди даже очень известных русских писателей было ведь немало и тех, чьим выбором «дела жизни» стало призвание лечить и души, и тело.

Я говорю о тех, кто по первой профессии был медиком.

02

03

04

Ну вспомним навскидку: Владимир Даль, Николай Лесков, Викентий Вересаев, Михаил Булгаков, а из близких к нам по времени — поэтесса Вероника Тушнова, прозаик Василий Аксенов и даже драматург Григорий Горин! Все они — врачи.

Но почти каждый, кроме разве что Даля, своей первой профессии, не побоюсь этого слова, изменил. Оставив после себя (кто больше, а кто меньше) лишь прозу о медиках.

Все, кроме Чехова!

«Законтрактованный долгом и совестью...»
(Москва, Малый Головин, 3, стр. 1)

Мне известно 19 адресов Чехова в Москве, сохранившихся домов и тех, что безвозвратно утрачены уже. Их я перечислил, а о некоторых и рассказал в вышедшем недавно двухтомнике

МНЕ ИЗВЕСТНЫ 19 АДРЕСОВ ЧЕХОВА В МОСКВЕ, СОХРАНИВШИХСЯ ДОМОВ И ТЕХ, ЧТО БЕЗВОЗВРАТНО УТРАЧЕНЫ. НО ВОТ ЭТОТ, «ГОЛОВИНСКИЙ», СРЕДИ ДОМОВ ПИСАТЕЛЯ — ОСОБЕННЫЙ

«Литературная Москва». Но этот вот, «головинский», среди домов писателя — особенный.

Здесь прожил он с родными четыре года, с 1881 по 1884-й. И здесь, сначала в подвале, а затем в бельэтаже тогда еще двухэтажного здания, явился миру и врач, и, представьте, уже писатель. Тут получил диплом врача, после чего повесил на дверях табличку «Доктор Чехов», и, живя здесь же, опубликовал первые рассказы — и знаменитый «Толстый и тонкий», и не менее знаменитую «Хирургию».

«Я живу в Головиноме, — сообщал в одном из писем. — Большой неоштукатуренный дом, третий со стороны Сретенки, средний звонок справа, бельэтаж, дверь направо, злая собачонка». Занимала большая семья Чеховых четыре арендованных комнаты, каждая из которых, без преувеличения, была полна и веселья, и труда.

Отсюда Чехов, студент медицинского факультета Московского университета, бегал на занятия и слушал лекции знаменитых уже Склифосовского, Эрисмана, Негирёва; живя здесь, проходил практику в Ново-Екатерининской больнице (солидный дом князей Гагариных, где она находилась, и ныне, под номером 15/29 стоит-красуется на Страстном бульваре); наконец,

02 Студент-медик Антон Чехов.

03 Иллюстрация к рассказу «Хирургия».

04 Врачи Чикинской (Звенигород) больницы. Справа в верхнем ряду — П.А. Архангельский. 1883–1884 годы.

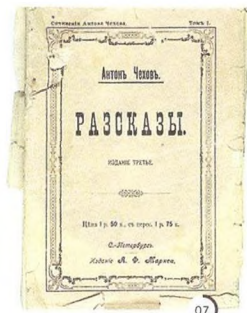
05 Москва, Малый Головин, 3, стр. 1.

05

отсюда, со второго еще курса, мотался, что ни день, в Воскресенск (нынешнюю Истру), где по рекомендации доктора Архангельского реально помогал в приеме нескончаемых пациентов врачам городской больницы.

Там же, кстати, и стал после диплома уездным врачом, что означало осмотры, операции, родовспоможение, судебно-медицинские вскрытия и даже показания в судах в качестве эксперта. Он так старался, так переживал за пациентов,

ных, казалось бы, пишущему, а о срочных вызовах к больным. — Каждый день приходится тратить на извозчика более рубля. Знакомых у меня очень много, а стало быть, немало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти- и трехрублевки».

Знакомых было много — это верно. Ведь в десятках журналах и газет уже вовсю публиковались его рассказы и зарисовки под, представьте, семьдесятю (так подсчитали литературоведы) псевдонимами, среди которых, кроме известного Антоша Чехонте были насмешливые и затейливые: «Брат моего брата», «Гайка № 9», «Граф Черномордик», «Крапива», «Акакий Тарантулов» и даже вроде медицинский — «Человек без селезенки».

Между женой-медициной и литературой-любовницей

Уж как обстояли дела с селезенкой у автора — неведомо, но именно благодаря кипящему, взрывному веселью его, здесь толпились его друзья, тоже, кстати, больные, но уже — литературой. И среди самых известных Гиляровский, Лесков, художник Левитан.

«Веселые это были вечера! — вспоминал Гиляровский, «дядя Гиляй», дружбу с которым Чехов сохранит на всю жизнь. — Все, начиная с ужина, на который подавался почти всегда знаменитый таганрогский картофельный салат с зеленым луком и маслинами, выглядело очень скромно, ни карт, ни танцев никогда не бывало, но все было проникнуто какой-то особой сердечностью. Чуть что похвалишь — обязательно завернут в пакет, и отказаться нельзя. Как-то раз в пасхальные дни подали у Чеховых огромную пасху, и жена моя удивилась красоте формы и рисунка. И вот когда мы собрались уходить, вручили нам большой, тяжелый сверток, который велели развернуть только дома. Оказалось, в свертке — великолепная старинная дубовая пасочница».

Только через три года, уже в другом доме, на Садово-Кудринской, 6, он уберет с дверей табличку «Доктор Чехов». Назовет себя «свиньей» перед медициной, но, правда, признается: «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница. Когда надоедает одна, ночью у другой». Но и с «любовницей», то бишь с литературой, все оценивал еще очень критично. Григоровичу, писателю, написал:

«У меня в Москве сотни знакомых, между ними десятка два пишущих, и я не могу припомнить ни одного, который читал бы меня или видел во мне художника... За пять лет моего шатанья по газетам я успел проникнуться этим общим взглядом на свою литературную мелкость, скоро привык снисходительно смотреть на свои работы, и — пошла писать! Это первая причина... Вторая — я врач и по уши втянулся в свою медицину, так что поговорка о двух зайцах никому другому не мешала так спать, как мне...»

ЗДЕСЬ, В ГОЛОВИНОМ, ОН, ВНЕСЕННЫЙ В «РОССИЙСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ СПИСОК», ПРИНИМАЛ БОЛЬНЫХ И ВЫЕЗЖАЛ НА ВЫЗОВЫ. КОГДА ЖЕ ПИСАЛ-ТО СВОИ БЕСЧИСЛЕННЫЕ РАССКАЗЫ?!

что рассмешил как-то лекарей-коллег, когда однажды, бросив все, помчался вдогонку за больным, ибо в выданном тому рецепте неверно поставил запятую в дозировке препарата. Он, как вспомнит потом Архангельский, врачевал «с любовью к делу, особенно... к тому больному, который проходил через его руки». И как раз по слову Архангельского, уже в Звенигороде, стал пусть и на короткое время, но заведующим больницы.

А ведь кроме того и здесь, в Головином, он, внесенный с 24 лет в «Российский медицинский список», официально дающий «полное право на производство врачебной практики», принимал больных и выезжал на вызовы к «тяжелым».

Невероятно! Когда же и писал-то свои бесчисленные рассказы?

«Лечу и лечу, — сообщал брату в 1885-м, и отнюдь не о полетах воображения, свойствен-

° 6

И. Левитан.
Гиляровский везет
в тачке А. Чехова.

° 7

Сборник
чеховских рассказов.

Среди смеха, не переставшего звучать в его домах, это было почти первое признание его в раздвоенности. Грустное признание Чехонте. Сегодня мало кто знает, но однажды его мать и сестру спросили: «Видели ли они Чехова плачущим?» Обе в один голос сказали: «Никогда». Но, сталкиваясь с тяжелыми больными, видя реально и не раз смерть людей, он тонкий, сострадающий людям человек, не мог, думаю, не плакать в душе. Может, потому и не расстался с первой профессией, «законной женой» его, до конца жизни.

Долг и совесть — вот кредо. Он ведь назвал уже себя «законтрактрованным долгом и совестью».

«Конно-лошадиное странствие»
(Москва, Мал. Дмитровка, 29, стр. 4)

«Лучше быть жертвой, чем палачом» — сказал как-то. Удивительно, но через много лет это же станет почти девизом поэта Мандельштама. Тот признается однажды Наде, жене, что «лучше, чтобы грузовик переехал меня, чем, чтобы я, сидя за рулем, давил людей».

Жуткий, но ведь и главный выбор! Ты убьешь, или — тебя? Вот так — взяв в подзащитные тысячи и тысячи жертв! — случилось и с Чеховым, когда в его жизни возник Сахалин. Тоже ведь самому себе назначенный долг. Говорили, болтали, плевались, что его-де выселяют, «командируют» туда. Но он в письме знакомой возмутился: «Это вздор. Я сам себя командую, на собственный счет. На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом». И, кстати, признался — одним из мотивов поездки на Сахалин было желание «хотя бы немножко заплатить» медицине.

«Очерков, фельетонов водевилей, скучных историй многое множество, пуды исписанной бумаги, — писал накануне Суворину, другу-издателю, — и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение... Мне страстно хочется спрятаться куда-нибудь лет на пять и занять

себя кропотливым, серьезным трудом. Надо уйти из дому, надо начать жить за 700–900 р. в год, а не за 3–4 тысячи».

Это пишет, вообразите, человек, который уже выпустил повесть «Степь» и пьесу «Иванов», который вот только что, в 1888 году, был награжден Пушкинской премией за сборник рассказов «В сумерках». Другими словами, он, недовольный собой, все еще мучительно искал способ оправдания себя как Человека, как

Редкационный день «Будильника»

Личность. И отсюда, из этого дома, 21 апреля 1890 года отправляется на далекий и страшный остров. Выбрал труднейшее — посещение «русской каторги», отверженных — людей, обреченных на нравственные и физические страдания.

Здесь, в этом доме, как признается поэту Плещееву, читал и делал выписки о страшном острове. «В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Упомомшательство. Mania Sachalinosa». Сестру Машу, да и Лику Мизинову, будущую «чайку» его пьесы, гнал в библиотеку делать выписки об острове. Сестра вспомнит: все «свободное от занятий в гимназии время я проводила в библиотеке Румянцевского музея, роаясь в каталогах, читая книги и делая выписки». И отсюда, купив полушубок, офицерское непромокаемое пальто, большие сапоги, финский нож и револьвер системы Смит и Вессон, повесив через плечо фляжку с коньяком, подарок друга, велешего выпить ее на берегу Великого океана, отправился в свое «конно-лошадиное странствие», ставшее, между прочим, роковым для него.

«Медицина не может упрекать меня в измене», — скажет потом в книге об острове, но мы доскажем — зато медицина изменила ему. Ведь именно эта поездка, считают исследователи, и стала началом его туберкулеза...

°8 Москва, Мал. Дмитровка, 29, стр. 4.

°9 Сборник рассказов «В сумерках», награжденный Пушкинской премией.

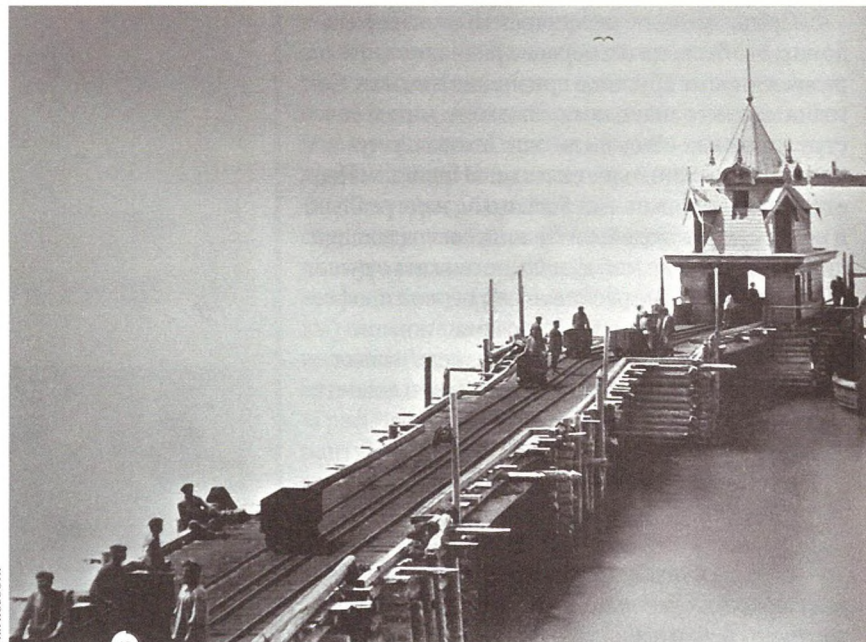
°10 Редакционный день в журнале «Будильник». Второй справа — А. Чехов.

«Кругом вода, а посере́дке — беда»

Я несколько лет назад был там, на Сахалине. Видел дома, где три месяца и два дня он жил и работал, где изучал санитарное состояние тюрем, лазаретов, барачков, местной педиатрии, где завел — с ума сойти! — 10 тысяч карточек (в каждой, к слову, надо было заполнить 14 строк), осуществляя почти неподъемную задачу — переписать населения острова. «Я вставал каждый день в 5 часов утра, — пишет Чехов, — ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым». Одному каторжнику подарил даже корову, кормилицу для его детишек. «Работать надо, — напишет сразу после Сахалина, — а все остальное к черту. Главное — надо быть справедливым, а остальное приложится...»

Он и работал, и больше всего на острове лично меня, помню, поразил тот факт, что в

РИА НОВОСТИ

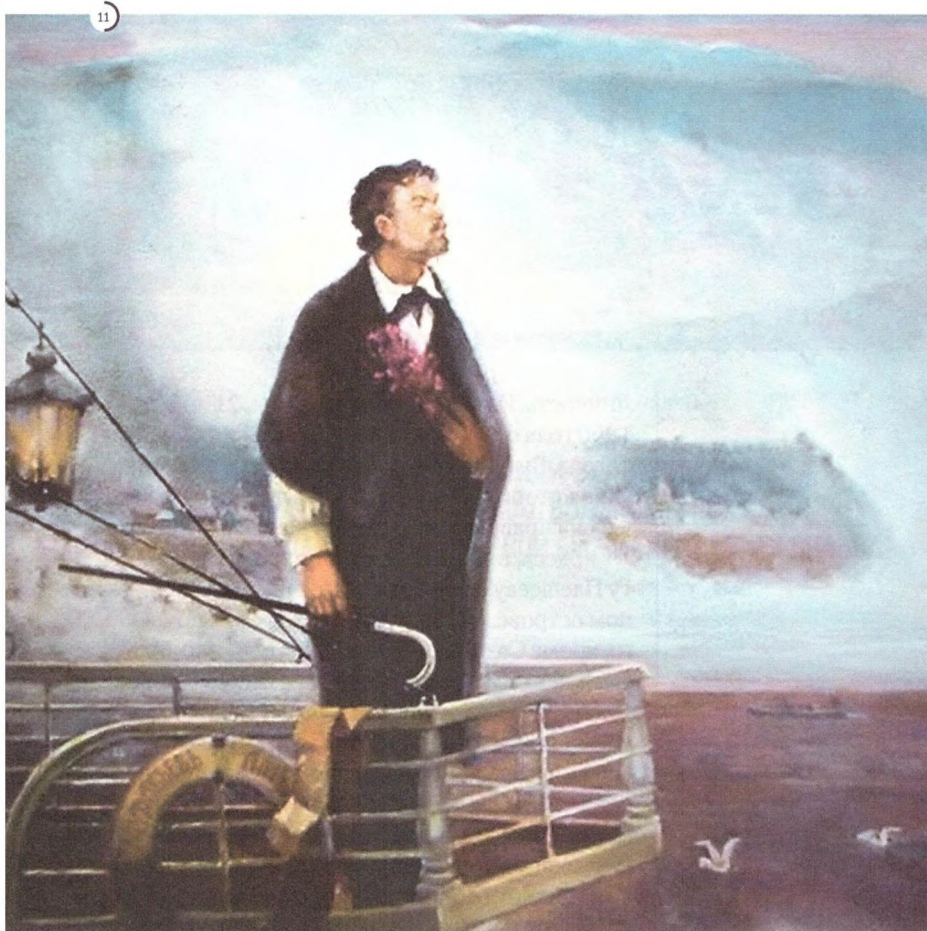
12

Александровском остроге он, увидев, как там ведется прием больных, сам надел белый халат и на многие дни вновь превратился в доктора. Один на один с корью, дифтеритом, цингой, оспой, пневмонией, рожей, сифилисом, тифом и чахоткой, от которой здесь умирали чаще всего. Честно скажу, трудновато мне было представить в этой роли и обстоятельствах (где «кругом вода, а посере́дке — беда») не только Аксенова и Горина, но и почитаемого мной Михаила Булгакова...

Паломничество, святой ритуал, духовное причастие — как хотите называйте это, но все, мне думается, совместит слово подвиг — гражданский подвиг подлинного интеллигента. «В места, подобные Сахалину, — писал тому же Суворину, — мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку... Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах... развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей». И вдогонку написал: «Хорош белый свет — одно только не хорошо: мы»...

Мы — это мы с вами, только 100 лет назад. Это та «интеллигенция», которую Чехов презирал. Помните его слова: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям... в них сила, хотя их и мало... Они не доминируют, но работа их видна... и все это делается помимо... помимо интеллигенции en masse и несмотря ни на что...»

Работа их видна. Да, конечно, парадокс, что Чехов часто изображал врачей карикатурно и даже самоиронично, но он же и настаивал на гуманной сущности медиков. Ведь благодаря ему в

11

ОДИН НА ОДИН С КОРЬЮ, ДИФТЕРИТОМ, ЦИНГОЙ, ОСПОЙ, РОЖЕЙ, ЧАХОТКОЙ... ТРУДНОВАТО ПРЕДСТАВИТЬ В ЭТОЙ РОЛИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЧИТАЕМОГО МНОЙ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Н. Александровский
 Директ. № 4
 Звание *скамоужин*
 Как, отчество, фамилия, отношения к хозяину:
Ведун
Бочман
 Дата *38*
 Происхождение *привиссав*
 Где родился *Курск*
 С какого года на Сахалине *1888*
 Главное занятие *повеления*
 Грамотен, неграмотен, образован
 Живет на родине, на Сахалине, вдовь, холость.
 Получает ли пособие от казны? Да, нѣтъ.
 Чуть болѣвъ.

13)

РИА НОВОСТИ

°11
 А. Машенко. Чехов на Дальнем Востоке.

°12
 Пристань у нового рудника на острове Сахалин. Фото из коллекции писателя.

°13
 Карточка переписи ссыльных каторжников, привезенная Чеховым с Сахалина.

А ведь про жизнь ему — врачу и писателю — было известно много больше других. Да, что такое «жизнь» — вопрос вечный. Наука, и в том числе медицина, объяснят вам все: как и почему растет морковь или вишневый сад и как рождаются, болеют и умирают люди. Но именно — как? А вот на вопрос зачем они явились на свет и живут, то есть на вопросы духа и веры, отвечает, или пытается ответить, как раз большая литература.

«Ах, подруженьки, как скучно! — писал Чехов Суворину сразу после Сахалина, посреди разора в его доме, который ежедневно устраивала Сволочь, как прозвал он беспокойного и любопытного мангуста, зверька, привезенного из поездки. — Если я врач, то мне нужны большие и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке с мангустом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек». И меньше чем через полгода ему же сообщил:

15)

РИА НОВОСТИ

русской, да и мировой литературе возник архетип интеллигента-врача, гуманиста и подвижника. Ну, а Сахалин, что ж, его не только наградили медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения», но после выхода уже первых глав его книги там отменили порку женщин, потом казни для каторжников, потом начали строить приюты, ясли и школы. Недаром ведь в одном из откликов о его книге про Сахалин выбрали как в

каменное слово: «Если бы г. Чехов ничего не написал кроме этой книги, имя его навсегда было бы вписано в историю русской литературы и никогда не было бы забыто».

Жить по совести
 (Москва, Леонтьевский пер., 24)

«Ты спрашиваешь, что такое жизнь? — написал Чехов жене за 2 месяца и 12 дней до смерти и, как всегда, посмеялся. — Это все равно что спросить: что такое морковь? Морковь есть морковь, и больше ничего...»

14)

°14
 Москва, Леонтьевский пер., 24.

°15
 П. Погодин. Чехов на Сахалине в 1890 году.

«Адрес мой такой: Ст. Лопасня Московско-Курской дороги, село Мелихово...»

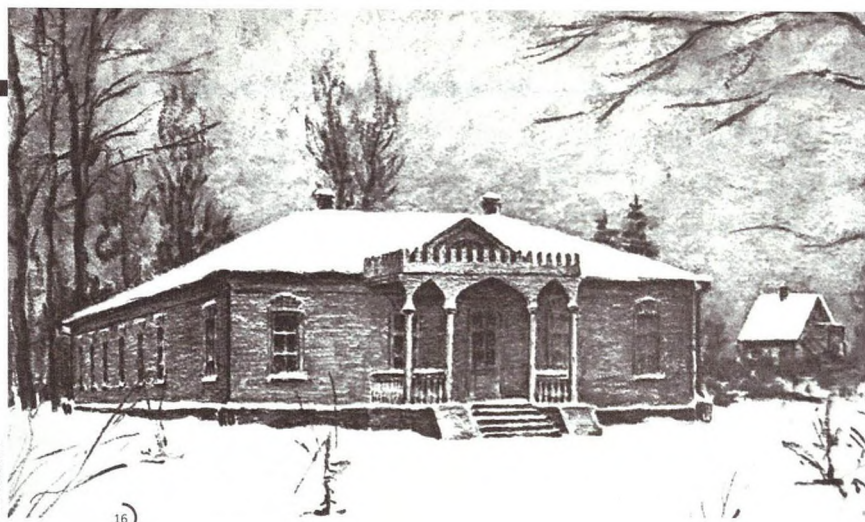
Думаете, купив дом в 90 верстах от Москвы, он больше всего мечтал о здоровье да собственном аппетите? Ошибаетесь. Ему был нужен новый Сахалин, или — выражаясь высокопарно — плацдарм для вызревающей в душе его не повести новой, не рассказа, нет, а попытки осуществления социального идеала — жить по совести! И отдельного человека — себя — и общества. Иными словами, реально участвовать в реальной же жизни совместно с другими. Вот что привело его в Мелихово. И как же символично звучат ныне его слова из мелиховского письма Каратыгиной, актрисе: «Здесь, когда выйдешь за ворота, — восхитился он, — горизонт видно...»

Да, он мечтал о большом романе — какой же писатель без большой книги?! — причем о рома-

не, как писал о «хороших людях», но никогда не забывал о конкретной помощи этим «хорошим» — о медицине. «Мечтаю о гнойниках, отеках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати, — писал Владимиру Короленко. — Летом обыкновенно полдня принимаю расслабленных, а моя сестра ассистирует мне, — это работа веселая». А после Сахалина не только мечтал о собственном курсе частной патологии и терапии в университете (не дали из-за отсутствия ученой степени!), но и хлопотал за журналы «Хирургическая летопись», «Хирургия», страдавшие от недостатка средств, выписывал газету «Врач» и даже публиковался в ней, а в 1895-м заседал на съезде земских врачей в селе Покровском.

И вот — Мелихово, про которое в «Указателе селений и жителей уездов Московской губернии» говорилось: «Крестьян 181 душа мужского пола и 177 женского, 1 церковь, 41 двор». Не говорилось, но он и сам увидел: избы топились по-черному, школы не было, зато в центре — три трактира. И, конечно, жителей несказанно удивило, когда в первый же день он отправился знакомиться не с соседями-помещиками, а, вообразите, — с крестьянами.

«Собрались наши мужики у колодца, — скажет очевидец. — Барин новый, говорят приехал.

РИА НОВОСТИ

16

° 16
Подмосковная усадьба Мелихово.

° 17
С. Чехов. Окрестности усадьбы Мелихово.

° 18
Семья Чеховых на крыльце мелиховского дома.

РИА НОВОСТИ

18

Глядь, а к колодцу-то сам Антон Павлович и идет. Мужики ему в пояс: «Здравствуйте барин». Антон Павлович подходит к ним и говорит: «Я не барин, а доктор».

Мелихово по-сахалински

Удивительно, но в Мелихово он забыл про литературу, не до «любовницы» было ему тут. Начал с того, что разобрал все заборы, изгороди и перегородки вокруг, которые мешали крестьянам гнать свой скот на пастбища через его усадьбу, а заодно и разрешил им пасти животину на своих землях и косить сено в своем лесу, ведь купил-то не 10–12 десятин, как мечтал поначалу, а целых 213.

Потом, после заборов, устроил у себя медпункт, где по утрам принимал всех. Разумеется, бесплатно, как и лекарства, которые отпускал им. Баловство барское, скажете? Как бы не так! Только в первое лето он принял около тысячи больных.

Далее — осушил за свой счет болото в центре села, превратив его в ухоженный пруд, проложил дорогу в село, выстроил пожарный сарай с колокольной и почту, построил — ах, дорогие Вересаев, Булгаков и Аксенов! — 3 земских школы и возвел за собственный счет для самых бедных семей с кучей детишек 2 дома.

Но это — цветочки. Ибо, когда началась холера, в семье писателя случился просто аврал. Вот когда доложил Суворину, словно с фронта: «Я назначен холерным доктором, и мой участок заключает в себя 25 деревень, 4 фабрики

ЧЕХОВ НЕ ПИШЕТ, НО Я-ТО ЗНАЮ: ИМ БЫЛО ПОСТРОЕНО 5 ХОЛЕРНЫХ БАРАКОВ И ОБОРУДОВАНО ДВА МЕДПУНКТА, А НА ДЕСЯТКИ ВЕРСТ В ОКРУЖНОСТИ МЕЛИХОВО ОН УЗНАЛ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАЖДУЮ ИЗБУ

17

и 1 монастырь... Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры... Конечно, о литературе и подумать некогда. Не пишу ничего. От [денежного] содержания я отказался, дабы сохранить себе хотя [бы] маленькую свободу действий, и потому пребываю без гроша. <...> Когда узнаете из газет, что холера уже кончилась, то это значит, что я уже опять принят

19

за писанье. Пока же... не считайте меня литератором. Ловить зараз двух зайцев нельзя».

Он не пишет, но я-то знаю: им было построено 5 холерных барачков и оборудовано 2 медпункта, а на десятки верст в округности он узнал чуть ли не каждую избу. Теперь Чехов «обязательный член» уездного санитарного совета и мотается в Серпухов на все его заседания, он включен в комиссии по санитарии (бесконечные осмотры кабаков, лавок, бань, богаделен, постоянных дворов и даже притонов) и он же не образы и метафоры ищет над листками бумаги, а составляет статистические записки о заболеваниях и наравне с земскими врачами строчит отчеты о сделанном. Недаром его избирают гласным земского собрания и переизбирают потом до самого отъезда из Мелихово, а в окружном суде — председателем присяжных. И ведь работал здесь «мужиком» не три месяца, как на Сахалине, а долгих семь лет, до 1899 года.

Немыслимо! И — нет, что ни говорите, но таких писателей и раньше, да и теперь (чего уж греха таить!) не было еще в истории русской

литературы. И ведь кто все это делал? Тот, кого сам Толстой назовет «Пушкиным в прозе», кого в драматургии и ныне признают «вторым после Шекспира». А он признавался в одном из писем, что нужно «работать, как мужик, невзирая ни на звание, ни на пол», что «первое время меня всего ломало от физического труда, теперь же ничего, привык». Я уж не говорю про вишневы и яблоневые сады, посаженные им лично (60 вишен и 80 яблонь). Словом, помните слова его: «Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям... в них сила, хотя их и мало...»

Это ведь он и про себя. И про себя те последние слова: «Они не доминируют, но работа их видна...»

Видна даже через столетие. И она, да и произведения его, написанные здесь («Палата № 6», «Ионыч», «Попрыгунья». «Человек в футляре», «Анна на шее», пьесы «Дядя Ваня» и «Чайка»), — это все, выражаясь медицинскими терминами, — и диагноз, и рецепты нашему и поныне не слишком здоровому обществу. Другими словами, те два великих вопроса «как?» и «зачем?» — только он один — мыслитель? — и сумел соединить в себе, в литературе и в медицине.

А что же дом в Леонтьевском, о котором рассказ? Так вот в нем он прожил всего месяц, но — последний свой месяц. Здесь сказал Телешову, другу-писателю: «Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать...»

Да, именно отсюда он уехал умирать в Баденвейлер. Прожил как великий интеллигент и скончался как интеллигент. Как писатель, но ведь и как врач.

Кончился «горизонт» его, сузился до кровати в отеле «Зоммер» в 3 часа ночи 15 июля 1904 года.

— Смерть? — спросил Чехов Шверера, срочно вызванного врача. — О, нет, нет!.. Что вы! — попытался успокоить его тот и распорядился принести баллон кислорода. А когда понял, что до конца остались минуты, велел дать умирающему бокал шампанского. Так врачи, говорят, провожают своих же, врачей — последний сигнал без слов, без приговора.

И в Таганроге, и на Сахалине, и в Мелихово, и, конечно, в Москве, и даже в Баденвейлере всюду стоят ныне памятники

Чехову, но лучшей памятью ему я считаю слова Довлатова, прозаика. Он сказал фразу, под которой я готов подписаться двумя руками: «Можно благоговеть перед умом Толстого, — сказал. — Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похотелось бы только на Чехова...»

И разве непонятно — почему?

• 19

Чехов в Мелихово.